
К 280-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЕЛИКОГО РУССКОГО ПОЛКОВОДЦА, ГЕНЕРАЛИССИМУСА, КНЯЗЯ ИТАЛИЙСКОГО, ГРАФА АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА СУВОРОВА-РЫМНИКСКОГО

От главного редактора: Символично, но в один год с 65-летием Победы советского народа над нацистской Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. мы отмечаем и 280-летие со дня рождения Александра Васильевича Суворова — полководца, чье имя стоит в одном ряду с равнозначными ему именами в военной мировой истории Александра Македонского, Ганнибала, Кая Юлия Цезаря, Фридриха Великого, Чингисхана* и Тамерлана, Наполеона и Сталина. Писать о Суворове, значит писать книгу. И не одну, что явно не входит в прерогативу краткого редакционного введения. Отметим только: славна была Русь, Российская империя, Советский Союз своими полководцами. Но имя Александра Васильевича — звездное, недосягаемое. И это имя всегда произносится с обязательным уточнением: великий, непревзойденный, неподрожжаемый, славный...

Все же без сколь-либо развернутого предисловия к собственно военно-литературным трудам Суворова нельзя; личность генералиссимуса того требует. Поэтому ниже приводится введение к книге**, изданной к 250-летию со дня рождения полководца. После чего читатель познакомится — если не имел возможности сделать этого ранее — с достославной суворовской «Наукой побеждать», которую вполне справедливо можно отнести к лучшим литературным произведениям военной прозы конца XVIII века. Завершают настоящую рубрику номера журнала письма Александра Васильевича разным лицам — от императора Павла I до своего родственника графа Хвостова, неудачника в литературе, но человека с обширным сводом друзей и знакомцев; добродушный бал граф. Письма подобраны таким образом, чтобы показать все стороны личности Суворова: он решает на уровне императора и высшего генералитета стратегические вопросы: в других письмах речь идет об обыденной жизни; в третьих — в военное и мирное время Александр Васильевича являет образ военачальника, отвечающего солдатской присказке: «Слуга царю, отец солдатам!».

Нужны ли великие полководцы России сейчас? И дело даже не в похвальных пристрастиях к коллекционированию «Мерседесов» и ношению партикулярных пиджаков; Наполеон и советский генералиссимус тоже редко надевали военные мундиры с погонами. Дело все в востребованности, отвечающей государственной устремленности, тогда и полководцы найдутся. Свято место пусто не бывает. Но Суворов был, есть и останется для России один.

...А самый первый и лучший памятник Суворову создал в своих стихах — на смерть генералиссимуса Гаврила Романовича Державин. С них мы и начнем.

Академик Академии военных наук Алексей Яшин

---

* Не будем забывать, что Россия 300 лет входила под названием Улуса (государства) Джучиева в состав Золотой Орды — империи, созданной завоеваниями Чингисхана. Пресловутая «политкорректность» здесь неуместна.

** Введение (без указания автора) к книге: Суворов А. В. Наука побеждать. — М.: Воениздат, 1980. — 40 с. Тексты Суворова, приводимые ниже, взяты из издания: А. В. Суворов. Письма. — М.: «Наука», 1986. — 808 с. (Серия «Литературные памятники»).

СНИГИРЬ

Что ты заводишь песнь военну
Флейте подобно, милый Снигирь?
С кем мы пойдем войной на Гиену?
Кто теперь вождь наш? Кто богатырь?
Сильный где, храбрый, быстрый Суворов?
Северны громы в гробе лежат.

Кто перед ратью будет, пылая,
Ездить на кляче, есть сухари;
В стуже и в зное меч закаляя,
Спать на соломе, бдеть до зари;
Тысячи воинств, стен и затворов,
С горстью Россиян все побеждать?

Быть везде первым в мужестве строгом,
Шутками зависть, злобу штыком,
Рок низлагать молитвой и Богом,
Скиптры давая, зваться рабом,
Доблестей быв страдалец единых,
Жить для царей, себя изнурять?

Нет теперь мужа в свете столь славна:
Полно петь песню военну, Снигирь!
Бранна музыка днесь не забавна,
Слышен отвсюду томный вой лир;
Львиного сердца, крыльев орлиных
Нет уже с нами! — что воевать?

Г. Р. Державин, 1800 г.

ВВЕДЕНИЕ: СУВОРОВ И ЕГО ПОБЕДИТЕЛЬНАЯ НАУКА

В русской военной истории имя Александра Васильевича Суворова занимает выдающееся место. На протяжении почти 50 лет непрерывной боевой деятельности А. В. Суворов не знал поражений. Лучшие европейские армии были разгромлены русскими войсками под командованием великого полководца. Военное искусство Суворова по своим масштабам и по своему значению выходит далеко за национальные рамки.

Но вместе с тем Суворов как полководец принадлежит прежде всего русскому народу. Военное творчество Суворова развивало передовые идеи его предшественников — Петра I, Румянцева, а его тактическое мастерство отразило лучшие черты русского народа, народа-воина: патриотизм и преданность Родине, мужество, упорство, выносливость, природный ум и смекалку. Искренний и горячий патриот, Суворов был наиболее последовательным и непримиримым борцом за самостоятельный путь развития русского военного искусства, против чуждого реакционного иноземного влияния.

А. В. Суворов оставил богатое теоретическое наследство в виде многочисленных приказов, инструкций, диспозиций (не говоря уже об обширной переписке). Сре-

ди литературного наследия Суворова выдающееся место бесспорно принадлежит «Науке побеждать».

«Наука побеждать» по своему назначению и форме является наставлением по строевому и тактическому обучению войск. Она состоит из двух частей: 1) «Учение разводное, или пред разводом» и 2) «Словесное поучение солдатам о знании, для них необходимом». Первая часть представляет собой примерный план и содержание типового тактико-строевого учения войск: батальона, полка и выше, и предназначалась, видимо, в качестве руководства для командиров частей. Вторая часть, получившая наиболее широкую известность, представляет своего рода тактическую памятку для солдат, в которой, впрочем, излагаются не только тактические указания, но и все основные правила солдатского поведения, весь служебный и нравственный кодекс русского воина. В целом «Наука побеждать» в своеобразной и оригинальной форме в предельно сжатом виде раскрывает сущность суворовской тактики и суворовской системы обучения и воспитания войск.

Тактика Суворова логически вытекала из его стратегических взглядов на общие принципы ведения войны. Суворов, больше чем кто-либо из русских военных деятелей прошлого, был сторонником активной наступательной стратегии, ставившей уничтожение армии противника главной задачей войны, а бой — основным средством решения этой задачи.

Соответственно этому тактика Суворова была проникнута духом самого решительного наступления. Стремительное наступление, атака, удар, в штыки, преследование — вот те формы боя, которые преимущественно признавал и применял Суворов.

Наступательная тактика, конечно, не является «открытием» Суворова. П. А. Румянцев, например, дал блестящие образцы наступательных действий и указал на преимущества наступления перед обороной. Однако только Суворов мог раскрыть природу современного ему боя, теоретически обосновать преимущества наступательной тактики, разработать ее основные принципы и технику ведения наступательного боя.

В основу своей тактической школы Суворов положил правильное соотношение двух основных факторов боя: человека и оружия. Из них Суворов отдавал решительное предпочтение первому, что было характерно для прогрессивной русской военной мысли.

Правильное решение того вопроса, было найдено Суворовым на основе глубокого понимания особенностей русской армии. Начав свою многолетнюю службу с солдатских чинов, Суворов хорошо изучил русского солдата. На опыте Семилетней войны, которая была его первой боевой школой, Суворов имел возможность сделать сравнительную оценку сильнейших европейских армий: русской, прусской и австрийской — и близко познакомиться с боевыми качествами русского солдата в суровой обстановке войны. На основе этого Суворов пришел к выводам, которые послужили ему для создания собственной тактической и военно-воспитательной школы.

Суворов уяснил, какое огромное преимущество в руках полководца представляют более высокие моральные и боевые качества русской армии, национальной по составу, комплектуемой на началах рекрутской повинности, в сравнении с западноевропейскими армиями с их преимущественно наемным составом. Низкие моральные качества солдат западноевропейских армий, особенно прусской армии, неизбежно толкали развитие линейной тактики в сторону тех уродливых форм, которые действовали на армию как «смирительная рубашка» (Э н г е л ь с). Солдата наемных армий было трудно заставить драться в условиях, когда он предоставлен самому себе и не чувствует «палки капрала». В этих условиях единственным боевым порядком было построение длинных тонких линий на ровной и открытой местности, а

главным способом боя — огневой бой в форме управляемой пальбы залпами как в обороне, так и в наступлении. Подготовка войск была направлена на то, чтобы добиться безукоризненного равнения при маршировке, быстрейшего, заряжания и производства выстрела. Такие взгляды на тактику и обучение войск имели определенное влияние в русской армии в середине XVIII века и находили своих сторонников среди генералитета и офицерства.

Взгляды Суворова был полной противоположностью. Опираясь на национальные чувства русского солдата, воспитывая в нем сознание воинского долга, Суворов стремился выработать в подчиненных солдатах и офицерах такие качества, как инициатива, находчивость, сообразительность, частный почин. Широко известно суворовское изречение: «Каждый воин должен понимать свой маневр». «Наука побеждать» как раз и направлена на воспитание не муштрованного автомата, а бойца, сознательно выполняющего боевую работу. Суворов растолковывает солдатам, в каком случае и почему нужно применять тот или иной маневр («атака в середину невыгодна... в тыл очень хороша только для небольшого корпуса»), в каких случаях действовать в том или ином боевом порядке — линией, каре, колонной.

Все качества, несовместимые с суворовскими требованиями к солдату и офицеру: бестолковость, безынициативность, боязнь ответственности, равнодушие, казенное отношение к делу и т.п., Суворов объединяет в собирательный тип «немогузнайки». «Проклятую немогузнайку» Суворов считал язвой для армии, «неприятелем больше богадельни».

Более высокие моральные качества русского солдата дали Суворову основания для выработки своей «смелой наступательной тактики». В свою очередь сама эта тактика дает огромное моральное превосходство нападающему перед обороняющимся. «Наука побеждать» вскрывает это моральное преимущество наступления.

Основы суворовской тактики по «Науке побеждать» заключены в трех суворовских принципах: *г л а з о м е р*, *б ы с т р о т а*, *н а т и с к*.

Г л а з о м е р — «как в лагерь стать, как идти, где атаковать, гнать и бить». В прямом толковании это означает оценку обстановки начальником в результате проведенной на местности личной разведки. Тактика Суворова, рассчитанная на самостоятельность и инициативу младших начальников, действия на любой, в том числе пересеченной и закрытой, местности, требовала от них овладения искусством оценки местности и противника. По Суворову — «сам-четверт ефрейтор тот же генерал».

Б ы с т р о т а — самая сильная и самая характерная сторона тактики Суворова. Суворов, как никто, понимал и ценил фактор времени на войне. «Деньги дороги, жизнь человеческая еще дороже, а время дороже всего». Быстрота действий возможна только при условии высокой подвижности войск. Подвижность войск Суворова была изумительна. Она превосходила все общепринятые тогда нормы походных движений. Быстрота маршей достигалась, с одной стороны, натренированностью войск, с другой стороны — соответствующей организацией марша. Суворовская схема походного движения, данная в «Науке побеждать», обеспечивала скорость движения и сохраняла силы солдата («по сей быстроте и люди не устали»). В том случае, когда было важно быстрее подойти к полю боя (например, в сражении на Треббии), Суворов требовал максимального напряжения сил и уже не считался ни с какими маршевыми потерями, лишь бы своевременно бросить в бой хотя бы часть сил — остальные подойдут. Быстрота движения была нужна Суворову как средство упреждения противника, как средство тактической внезапности и захвата инициативы в бою. Тактическую внезапность, как имеющую огромный моральный эффект, Суворов считал залогом успеха, восполняющим численный недостаток сил, который почти всегда сопутствовал Суворову. В «Науке побеждать» Суворов ярко

и образно разъясняет значение внезапности: «Неприятель нас не чаёт, считает нас за сто верст, а коли издалека, то в двух и трех стах и больше. Вдруг мы на него как снег на голову. Закружится у него голова. Атакуй, с чем пришел, чем бог послал! Конница, начинай! Руби, коли, гони, отрезывай, не упускай!»

Быстрота и внезапность только подготавливают условия для *натиска*. *Натиск*, или стремительный, сокрушающий удар, пехоты и конницы, совершаемый с полным напряжением всех сил и завершающийся преследованием до полного разгрома, решает исход боя. В понятие *натиска* Суворов вкладывает и моральное содержание — неудержимый порыв вперед, веру в силу своего оружия, чувство коллектива («нога ногу подкрепляет, рука руку усиляет») и тактико-техническое содержание: техника действия «холодным ружьем» в разных видах атаки. В суворовском *натиске* заключено ядро его «смелой наступательной тактики».

Развивая идею *натиска* в «Науке побеждать» и других документах, Суворов даёт развернутую сравнительную оценку оружия пехоты. Пехота ведет бой двумя видами оружия: огнестрельным и холодным, пулей и штыком. Главным оружием пехоты считался огонь. Все перестроения подчинялись в основном интересам ведения огня в смысле достижения большей плотности или более широкого фронта.

Первым открыл дорогу штыковому удару Петр I, но роль штыка тогда была еще незначительна. В послепетровский период активная роль штыка была оставлена. Современные Суворову уставы ставили на первое место значение огня. Однако петровские традиции, соответствующие национальным особенностям русской армии, не могли быть забыты. В Семилетней войне русские штыки не раз имели часть боя. Суворов не только возродил эти традиции; он первым в Европе (и единственным) придал первенствующее значение удару холодным оружием, сделал его главным военно-воспитательным средством, довел до высокой степени совершенства штыковую атаку. Он сам глубоко верил и воспитывал в подчиненных веру в силу русского штыка, в превосходство русского солдата над любым противником в штыковой схватке. «У неприятеля те же руки, да русского штыка не знает».

Сравнивая два вида оружия пехотного солдата, Суворов подчеркивал все преимущества штыка. «Стреляй редко, да метко, штыком коли крепко. Пуля обмишультя, а штык не обмишультя. Пуля — дура, а штык — молодец». Такой взгляд покоился на реальной оценке тактико-технических свойств оружия пехоты. Современное Суворову ружье, почти не менявшееся со времени Петра, давало действительный огонь не далее 60 шагов. На большую дистанцию стрелять можно было только по сомкнутым массам. Это же расстояние пехота может пробежать за 20 секунд. За это время лучший стрелок не сделает более одного выстрела, так как зарядание ружья с дула было делом нелегким и, во всяком случае, небыстрым. В приказе 1794 г. Суворов ясно выразил эту истину: «При всяком случае сражаться холодным ружьем. Действительный выстрел ружья от 60 до 80 шагов; ежели линия или часть ее в подвиге (т.е. в движении) на сей дистанции, то стрельба напрасна, а ударить быстро вперед штыками». Отсюда вытекает, что преимущество в ближнем бою будет иметь та сторона, у которой больше решимости сойтись в рукопашный бой и больше умения владеть штыком. Этими качествами вполне владел русский солдат.

Предпочтение штыка пуле у Суворова вовсе не означало пренебрежения огнем вообще. Наоборот, «Наука побеждать» свидетельствует, насколько серьезно относился Суворов к стрелковой подготовке и к стрельбе в бою. Суворов признавал только прицельный огонь, и не только для специально выделенных стрелков, но для всей пехоты. «Мы стреляем цельно. У нас пропадает тридцатая пуля». Даже при ведении батального огня (частого, непрерывного) требуется соблюдать «исправный приклад» и выбирать цели: «всякий своего противника должен целить, чтобы его

убить». Бесцельную трату патронов Суворов категорически запрещал и требовал строжайшей экономии: «Береги пулю на три дня, а иногда и на целую кампанию, когда негде взять». Короче говоря, Суворов отводил должное место роли огня и признавал его как средство подготовки штыкового удара («пехотные огня открывают победу») и как средство ближнего боя в дополнение к штыку: «Береги пулю в дуле! Трое наскочат — первого заколи, второго застрели, третьему штыком карачун!»

Отличительной чертой тактических приемов Суворова — видов маневра, построения боевых порядков, размещения в них родов войск и т.д. — является их конкретность, отсутствие всякого шаблона, учет всех элементов обстановки, в первую очередь противника. «Наука побеждать», впитавшая в себя многолетний боевой опыт борьбы с различными противниками, учит этой конкретности и гибкости («линией против регулярных...» и т.д.). В этом отношении тактика Суворова резко отличается от шаблонной линейной тактики пруссаков и австрийцев.

Простота и конкретность характеризуют и выбор маневра Суворовым. Основное, чем учит руководствоваться «Наука побеждать», — выбор слабого пункта у противника («в крыло, которое слабее»). Однако это не шаблон. Может случиться, что придется атаковать и «крепкое» крыло и центр.

Правильная тактика и высокие моральные качества войск еще не обеспечивают успеха. Нужна соответствующая выучка войск. Суворов придавал очень большое значение обучению войск. Еще в 1770 г. он писал: «Хотя храбрость, бодрость и мужество всюду и при всех случаях потребны, то окмо т щ е т н ы о н и , е ж е л и н е б у д у т и с т е к а т ь о т и с к у с с т в а , к о т о р о е в ы р а с т а е т о т и с ы т а н и е в при внушениях и затверждениях каждому должности его».

Суворов создал свою систему обучения и воспитания войск. Общие принципы и методики обучения и воспитания войск находятся в полном соответствии с тактическими взглядами Суворова и составляют единое стройное целое. «Наука побеждать» дает полное представление о суворовских принципах и методах обучения и воспитания войск. В содержании «Ученья разводного, или пред разводом» представлены все элементы: строевой и тактической подготовки: повороты; ружейные приемы, перестроения, развертывание из походного в боевой порядок и обратно, стрельба и, наконец, двусторонний маневр — атака. Все элементы обучения связаны в том гармоническом сочетании, которое дает законченную полноту боевой подготовки войск при соблюдении основного принципа: *учить тому, что требуется на войне*.

Центральным пунктом ученья является двусторонняя сквозная атака. Этот прием, никем до того не применявшийся, имел не столько техническое, сколько воспитательное, моральное значение. Сквозная атака вводила солдата в обстановку, максимально приближенную к боевой, и воспитывала в нем порыв вперед, стремление достать врага в рукопашной схватке.

Суворов тщательно изгоняет из программы обучения все, что способно в какой-либо степени понизить моральный дух солдата, вызвать в нем чувство робости или инстинкт самосохранения. В двустороннем ученье сторона, на которую ведется атака (фактически обороняющаяся) и которую Суворов называет «на месте стоящей», встречает атаку огнем, а при подходе атакующего на 30 шагов сама переходит в штыки. Об отступлении же (о ретираде) Суворов запрещает даже и помышлять, прямо противопоставляя здесь свои требования положениям устава.

Наоборот, все, что способствует поднятию духа солдат, умело используется Суворовым. Суворов воспитывал в солдатах уверенность в своей силе, непобедимости, превосходстве над любым противником («Богатыри! Неприятель от вас дрожит!»). Суворовский солдат должен был быть убежден, что для него нет непреодолимых препятствий. «Ров не глубок, вал не высок!» Ни лес, ни болото не могут задер-

жать наступления, даже через реку — тяжело, но не невозможно. Кавалерия должна всюду пройти, где проходит пехота, кроме разве болота, а казаки — те «везде пролезут».

В словах Суворова, обращенных к солдатам, не было ни хвастовства, ни демагогии; была уверенность в своих чудо-богатырях, и эта уверенность передавалась солдату. Напоминания о славных традициях, о недавних боевых целях — Измаил, Прага — давали призывам Суворова реальную историческую почву.

Сила воздействия личности Суворова на солдатскую массу была необычайно велика. Солдаты безгранично верили в своего полководца и ловили каждое его слово. А Суворов умел говорить с солдатами. Он знал цену меткому острому словцу, сказанному вовремя и к месту. Суворов мог потребовать от солдата огромного физического и морального напряжения, но солдат не должен сосредоточивать свою мысль на трудности или опасности того, что он делает. По суворовской терминологии в «Науке побеждать», тяжелый солдатский ранец — не «ранец», а «ветер»; взвод не «поднимается с привала», а «вспрыгивает, надевает ветры, бежит вперед»; колонны «летят» через стены на крепостной вал, солдаты «скачут» через вал.

Язык «Науки побеждать» — образный, меткий, настоящий русский народный язык — вполне соответствует задаче и духу этого замечательного произведения А. В. Суворова.

«Наука побеждать» является глубоко патриотическим произведением. Она полна веры в творческие силы простых русских людей, в их способность преодолеть любые трудности, в их преданность Родине.

Александр Васильевич Суворов

НАУКА ПОБЕЖДАТЬ

РАЗГОВОР С СОЛДАТАМИ ИХ ЯЗЫКОМ

Развод приходит в Главную квартиру, на разсвете выходит на площадь, где в присутствии Фельдмаршала производит маневры с пальбой пушечною и ружейною, атакуя попеременно конница пехоту, а пехота конницу. Потом штаб-офицер того полку, чей развод, командует: «Под курок!» — и начинает в присутствии всего Генералитета, штаб- и обер-офицеров говорить наизусть следующее к солдатам их наречием:

Каблуки сомкнуты. Подколенки стянуты. Солдат стоит стрелкой. Четвертого вижу, пятого не вижу.

Военный шаг аршин, в захождении полтора аршина, береги интервалы. Солдат во фрунте на шагу строится по локтю, шеренга от шеренги три шага, в марше два, барабаны не мешай!

Береги пулю на три дни, а иногда и на целую кампанию, когда негде взять! Стреляй редко, да метко. Штыком коли крепко, пуля обмишуются, штык не обмишуются. Пуля дура, штык молодец. Коли один раз, бросай бусурмана со штыка: мертв на штыке, царапает саблею шею. Сабля на шею, отскокни шаг. Ударь опять. Коли другого, коли третьего. Богатырь заколет полдюжины, а я видал и больше. Береги пулю в дуле. Трое наскочат — первого заколи, второго застрели, третьему штыком карачун. Это редко, а заряжать неколи. В атаке не задерживай.

Для пальбы стреляй сильно в мишень, на человека пуль 20; купи свинцу из экономии, немного стоит. Мы стреляем целью; у нас пропадает 30-я пуля, а в полевой и полковой артиллерии разве меньше десятого заряда.

Фитиль на картечь, бросься на картечь: летит сверх головы, пушки твои, люди

твои, вали на месте, гони, коли, остальным давай пощаду! Они такие ж люди: грех напрасно убить.

Умирай за дом Богородицы, за Матушку, за Пресветлейший дом.

Церковь Бога молит. Кто остался жив, тому честь и слава!

Обывателя не обижай, он нас поит и кормит; солдат не разбойник. Святая добычь! Возьми лагерь, все ваше. Возьми крепость, все ваше. В Измаиле, кроме иного, делили золото и серебро пригоршнями. Так и во многих местах — без приказа отнюдь не ходи на добычь!

Баталия полевая. Три атаки: в крыло, которое слабее. Крепкое крыло закрыто лесом. Это немудрено, солдат проберется и болотом. Тяжело чрез реку — без моста не перебежишь. Шанцы всякие перескочишь. Атака в середину не выгодна, разве кавалерия хорошо рубить будет, а иначе сами сожмут. Атака в тыл очень хороша, только для небольшого корпуса, а армиею заходить тяжело. Баталия в поле: линиею против регулярных, кареями против бусурман. Колонн нет. А может случиться и против туров, что пятисотному карею надлежать будет прорвать пяти- или семитысячную толпу с помощью фланговых кареев. На тот случай бросится он в колонну; но в том до сего нужды не бывало. Есть безбожные, ветреные, сумазбродные французишки. Они воюют на немцев и иных колоннами. Есть ли бы нам случилось против них, то надобно нам их бить колоннами ж!

Баталия на окопы на основании полевой. Ров неглубок. Вал не высок. Бросься в ров. Скачи чрез вал. Ударь в штыки, коли, гони, бери в полон! Помни: отрезывать тут подручнее коннице. В Праге отрезала пехота, да тут были тройные и большие окопы и целая крепость, для того атаковали колоннами.

Штурм. Ломи чрез засеки, бросай плетни чрез волчьи ямы, быстро беги, прыгай чрез полисады, бросай фашины, спускайся в ров, ставь лестницы. Стрелки очищай колонны, стреляй по головам. Колонны лети чрез стену на вал, скальвай, на валу вытягивай линию, караул к пороховым погребам, отворяй ворота коннице. Неприятель бежит в город! Его пушки обороти по нем, стреляй сильно в улицы, бомбардируй живо. Недосуг за этим ходить. Приказ: спускайся в город, режь неприятеля на улицах. Конница — руби. В дома не ходи. Бей на площадях. Штурмуй, где неприятель засел. Занимай площадь, ставь гаубтвахт, разставляй вмиг пикеты к воротам, погребам, магазейнам. Неприятель сдался? — Пощади! Стена занята? — На добычь!

ТРИ ВОИНСКИЕ ИСКУССТВА

Первое — глазомер: как в лагерь стать, как идти, где атаковать, гнать, и бить. Второе — быстрота.

Поход полевой артиллерии от полу до версты впереди, чтоб спускам и подъемам не мешала. Колонна сближится — она опять выиграет свое место. Под гору сошед, на равнине на рысях! Поход по рядам или по четыре для тесной дороги, улицы, для узкого мосту, для водяных и болотных мест по тропинкам; и только когда атаковать неприятеля, то взводами, чтоб хвост сократить. У взводов двойные интервалы на шаг. Не останавливайся, гуляй, играй, пой песни, бей барабан, музыка греми! Десяток отломал,— первый взвод снимай ветры. Ложись! За ним второй взвод и так взвод за выводом. Первые задних не жди! Линия в колонне на походе разтянется. Коли по четыре, то в полтора, а по рядам вдвое. Стояла на шагу, идет на двух. Стояла на одной версте,— разтянется на две, стояла на двух,— разтянется на четырех, то досталось бы первым взводам ждать последних полчаса по пустому. На первом десятке отдыху час. Первый взвод вспрыгнул, надел ветры. Бежит вперед 10—15 шагов (а на походе, прошед узкое место, на гору или под гору, от 15 до 50-и шагов). Так взвод за взводом, чтоб задние между тем отдыхали. Второй десяток! — Отбой, отдыху час и больше! Коли третий

переход мал, то оба пополам, и тут отдых три четверти часа, или полчаса, или четверть часа, чтоб ребятам поспеть скорее к кашам. Это для пехоты. Кавалерия своим походом вперед, с коней долой, отдыхает мало и свыше десятка, чтоб дать коням в лагере выстояться. Кашеварные повозки впереди с палаточными ящиками. Братцы пришли, к каше поспели. Артельный староста: К кашам! На завтраке отдых 4 часа; то ж самое к ночлегу отдых 6 часов и до 8-ми, какова дорога. А сближась к неприятелю котлы с припасом сноровлены к палаточным ящикам. Дрова запасены на оных.

По сей быстроте и люди не устали. Неприятель нас не чаёт, считает нас за сто верст, а коли издалека, то в двух-трех стах и больше. Вдруг мы на него, как снег на голову. Закружится у него голова! Атакуй с чем пришел, с чем Бог послал! Конница начинай! руби, коли, гони, отрезывай, не упускай! Ура чудеса творят, братцы!

Третье — натиск. Нога ногу подкрепляет, рука руку усиляет. В пальбе много людей гибнет. У неприятеля те же руки, да русского штыка не знает. Вытяни линию, тотчас атакуй холодным ружьем! Недосуг вытягивать линию? — Подвиг из закрытого, из тесного места. Пехота коли в штыки, кавалерия тут и есть. Ушелья на версту нет, картечь чрез голову. Пушки, твои. Обыкновенно кавалерия врубается прежде, пехота за ней бежит. Только везде строй. Кавалерия должна действовать всюду как пехота, исключая зыби, там кони на поводках. Казаки везде пролезут. В окончательной победе кавалерия гони, руби. Кавалерия займется, пехота не отстает. В двух шеренгах сила, в трех — полторы силы, передняя рвет, вторая валит, третья довершает.

Бойся богадельни, немецкие лекарственницы издалека, тухлые, всплошь безсильные и вредные. Русский солдат к ним не привык. У вас есть в артелях корешки, травушки, муравушки. Солдат дорог, береги здоровье, чисти желудок, коли засорился. Голод — лутчее лекарство. Кто не бережет людей: офицеру арест, унтер-офицеру и ефрейтору палочки, да и самому палочки, кто себя не бережет. Жидок желудок? Есть хочется? На закате солнышка немного пустой кашки с хлебцем; а крепкому желудку — буква в теплой воде или корень коневьего щавелю.

Помните, Господа! полевой лечебник штаб-лекаря Белопольского. В горячке ничего не ешь. Хоть до двенадцати дней, а пей солдатский квасок, то и лекарство, а в лихорадке не пей, не ешь. Штраф, за что себя не берег. Богадельни: первый день — мягкая постель, второй день — французская похлебка; третий день ее братец домовище к себе тащит. Один умирает, десятеро товарищей хлебают его смертный дух. В лагере больные, слабые, хворые в шалашах, не в деревнях. Воздух чище. Хоть без лазарету и вовсе быть нельзя. Тут не надобно жалеть денег на хорошие лекарства, коли есть где купить сверх своих и на прочие выгоды без прихотей. Да все это неважно! Мы умеем себя беречь; где умирает от ста один человек, у нас и от пятисот в месяц меньше умирает. Здоровому — воздух, еда, питье. Больному ж — воздух, питье!

Богатыри! неприятель от нас дрожит; да есть неприятель больше богадельни. Проклятая немогузнайка! намека, загадка, лживка, лукавка, краснословка, краткомолвка, двуличка, вежливка, безтолковка. Кличка, чтоб безтолково выговаривать; крок, прикак, афок, вайрких, рок, ад и прочее — стыдно сказать! От немогузнайки много беды! За немогузнайку офицеру арест, а штаб-офицеру от старшего штаб-офицера арест квартирный.

Солдату надлежит быть здорову, храбру, твердо, решиму, правдиву, благочестиву. Молись Богу! от него победа. Чудо богатыри! Бог нас водит, он нам генерал.

Ученье свет, неученье тьма. Дело мастера боится, и крестьянин не умеет сохою владеть: хлеб не родится. За ученого трех неученых дают. Нам мало трех, давай нам шесть. Нам мало шести, давай нам десять на одного. Всех побьем, повалим, в полон возьмем. Последнюю кампанию неприятель потерял щетных семьдесят пять тысяч, только что не сто. Он искусно и отчаянно дрался, а мы и одной полной тысячи не потеряли. Вот братцы! Воинское обучение! Господа офицеры! Какой восторг!

По окончании сего разговора фельдмаршал сам командует:
К паролю! С флангов часовые вперед! Ступай! На караул! по отдаче Генералите-
ту или иным пароля, лозунга и сигнала следует похвала в чем хула разводу. Потом
громогласно говорит:

Субординация — послушание,
Экзерциция — обучение.
Дисциплина,
Ордер воинский — порядок воинский,
Чистота,
Здоровье,
Опрятность,
Бодрость,
Смелость,
Храбрость,
Победа,
Слава, слава, слава!

Примечание редакции: Проведенный выше «Разговор о солдатами их языком»
есть второй раздел «Науки побеждать» — инструкция по тактическому обучению
войск, в которой А. В. Суворов обобщил свой громадный боевой опыт. (Первая часть
«Науки побеждать», носящая название «Вахт-парад», предназначена для офицеров,
проводящих учение войска.)

ПИСЬМА А. В. СУВОРОВА ВРЕМЕН ИТАЛЬЯНСКОГО ПОХОДА 1799 ГОДА

ПАВЛУ I

Всепресветлейший, Державнейший Великий Государь
Император Павел Петрович — самодержец Всероссийский
Государь Всемиловитивейший!

Вашему Императорскому Величеству всеподданнейше доношу: я сего числа
прибыл в Вену и чрез несколько дней выеду к войскам. Повергая себя к освящен-
нейшим Вашего Императорского Величества стопам.

Всемиловитивейший Государь
Вашего Императорского величества
всеподданнейший
Граф Александр Суворов-Рымникский
Марта 15-го дня 1799-го года. Вена

ПАВЛУ I

Всепресветлейший, Державнейший
Великий Государь Император Павел Петрович
самодержец Всероссийский
Государь Всемиловитивейший!

Его Римско-Императорское Величество, по многих мне оказанных милостях, из-
волил меня к войскам отправить, сходно Высочайших Вашего Императорского Ве-
личества рескриптов. Я, отъезжая туда, всеподданнейше доношу: Его Римско-
Императорское Величество желает для действия в Германии войск команды Генерала
Нумсена. Он при первой аудиенции примечательно изволил быть недоволен о медли-
тельности российских корпусов; я должен был предписать о медлительности россий-
ских корпусов; я должен был предписать о ускорении марша Генералу от Инфанте-

рии Розенбергу, который, следуя чрез Виллах к Вероне, где и Римско-Императорские войски расположены, обретается от Вены 30 миль, также и Генералу-Лейтенанту Герману, о марше коего не получил я поныне сведения. Помянутый же Генерал от Инфантерии Розенберг определен будет в Санкт-Петербург по прибытии Генерала от Кавалерии Дерфельдена, а Генерал-Лейтенант Герман — по соединении с корпусом Розенберга.

Его Римско-Императорское Величество изволил ко мне прислать патент своего Генерал-Фельдмаршала. Всеподданнейше прошу Вашего Императорского Величества на сие о высочайшем благоволении.

Повергая себя к освященнейшим Вашего Императорского Величества стопам с благоговением,

Всемилолюбивейший Государь
Вашего Императорского величества
всеподданнейший
Граф Александр Суворов-Рымникский
Марта 23-го дня 1799-го. Вена

Ф. Ф. УШАКОВУ

Марта 23-го дня 1799-го. Вена

Милостивый Государь мой Федор Федорович!

Здешний Чрезвычайный и полномочный посол пишет ко мне письмо, из которого Ваше Превосходительство изволите ясно усмотреть необходимость крейсирования отряда флота команды Вашей на высоте Анконы. Как сие для общего блага, то я, о сем Ваше Превосходительство извещая, отдаю Вашему суждению по сообразию правил, Вам данных, и пребуду с совершенным почтением

Милостивый государь мой
Вашего Превосходительства
покорнейший слуга

С. Р. ВОРОНЦОВУ

Милостивый Государь мой
Граф Семен Романович!

Вашего Сиятельства, древнего моего друга, почтеннейшее письмо от 8/19 марта имел честь получить. Дня два назад прибыл я к австрийским войскам и нашел их в полных успехах. Российские прежде шли тихо, но потом зделали марш 88 миль в 19 суток, в горах, непогоду, по последнему зимнему пути и разлитию рек. Обождавши соединения части сих с первыми выступаем мы сего числа за Адыж. За памятование меня в толикой отдаленности друг от друга приношу Вашему Сиятельству мою чистосердечную благодарность! и с совершенным почтением пребуду под конец дней моих

Милостивый государь мой
Вашего Сиятельства
покорнейший слуга
Г[раф] А. Суворов-Рымникский
Апреля 8/19 дня 1799-го. Г. Ва[ле]джио

А. К. РАЗУМОВСКОМУ

Милан. 1799 года апреля 18/29 дня

Милостивый Государь мой
Граф Андрей Кирилович!

По почтеннейшему Вашему письму 10/21 апреля о Графе Бергене исполнено будет, и Краю я внушил. Ваше Сиятельство чистосердечнейше поздравляю с здешними

от Бога нам дарованными неожиданными успехами. Быстрота столь велика, что задние российские войски еще к нам не успели. Но еще и тут мешает провиант по томным прежним обычаям. Мелас действует похвально. Баталия при Ваприо — малочисленные цесарцы бились хвально холодным ружьем, но начально тож в иных местах. Монарх может ожидать их превосходными! Верьте, почтеннейший друг! что я устал, собираю силы. Да благословит Господь Бог! Его Превосходительству Степану Васильевичу усердное мое почтение. Ах! я забыл: Графиню поздравьте с Миланом. С совершенной преданностию пребуду во век мой

Милостивый Государь мой
Вашего Сиятельства покорнейший слуга
Г[граф] А. Суворов-Рымникский

А. К. РАЗУМОВСКОМУ

Павия. Апреля 24 дня 1799 году

Милостивый Государь мой
Граф Андрей Кирилович!

Письмо Вашего Сиятельства покорнейше благодарю. Г[енералу] Шембеку великую Вы милость учините, естли способ найдете ему плыть из Триеста; и моих русских знатный хвост воды так отрывали даже, что насилу он весь сего числа здесь соединился. При Ваприо они потеряли не свыше трех, но к пяти тысячам убитых; еще после две пушки бросили, и так 16; и с тысячи 4 реквизионеров так разбежались домой, что едва осталась 4-я часть.

Из Флоренции Монтришар и отсюда Отто гуляют к Ферраре. Магдоналя ждут из Неаполиса тысячах в 15-ти, також и армии, что были в Португалии, якобы тысячах в 30-ти, где доля 3-я — хороших. Пескиера и Мангуя отнимают у нас свыше 20 тысяч.

О! ежели б Всемогущий там кончил. Весь век мой пребуду с совершенным почтением

Милостивый Государь мой
Вашего Сиятельства
покорнейший слуга

Моро, командира при Ваприо, не отыщут; после сражения он был тяжело ранен.

При сдаче Серрюрье с 2700; убито у него около тысячи человек, что пропущено было; всякой день 20.

А. Г. РОЗЕНБЕРГУ

К[репость] Горгона. Апреля 30 дня 1799

Ваше Высокопревосходительство Андрей Григорич!

Жребия Валенцы предоставим будущему времени. Генерала Чубароса соедините к себе, что, полагаю, не видя там нужды, Вы и учинили. Довольно на его прежнем пункте, пока все сюда переправятся, оставить обвещательный казачий пикет. Вы же наивозможнейше спешите денно и ночью российские дивизии переправлять чрез реку По для соединения в стороне Тортоны, собирая из всех прилежащих мест наиболее количество судов.

Г[граф] А. Суворов-Рымникский

Н. А. ЗУБОВОЙ

[1 мая 1799. Тортона]

Сестрица Наташа!

От 2-го марта твое письмо я получил 30 апреля в Тортоне.

Христос воскрес! Целую тебя с детьми.

А. С.

А. Г. РОЗЕНБЕРГУ

[2 мая 1799]

Не теряя ни минуты, немедленно сие исполнить или под военный суд.

Г[раф] Александр Суворов-Рымникский

П. И. БАГРАТИОНУ

Тортон. 1799 года мая 2/13 дня

Князь Петр Иванович!

Розенберх, которому велено было сюда иттить, пошел сам собою на Валенцию и, переправясь при Боргофранко на Басиньяно, зашел в кут. Вчера ему было дурно, а сего дня не будет ли дурнее. Я его тороплю переправляться назад; токмо как он то учинит — судите сами. Я иду отсюда есть. Но первое, что буду лишь зритель из-за Тонара: Вы, Бога ради! сколько можно со всем спешите (коли нет лутче дороги) чрез Торе-ди-Гарофоли по большой дороге, которая идет к Камбии к реке По.

Побудите Карачая также, чтоб скорее шел, к нему здесь ордер.

Г[раф] А. Суворов-Рымникский

П. И. БАГРАТИОНУ

Мая 2 дня 1799

Генерал-Маиор Князь Багратион!

Хороша прежняя операция, мне жаль, что я Вас тронул из Нови. Оставайтесь оба на месте, где Вас сие застанет, и тотчас пошлите сказать товарищу вашему Карачаю. Я все в движение поднял, велел поворотитца. Я бы и отсюда операцию начал, но судов нет, и Шатлер ушибся на бесплодном геройстве; сказывают, человек 300 убито и около тысячи ранено; пленных живо раненных человека 2. Между прочим, ваш при Милорадович колот штыками конницу, и иные последовали примеру. Среди лутчего дела малочислием вздумалось Розенберху бить збор, как будто у частных начальников глаз нет; то все испортило. У французов считают урон 2 тысячи, больше убитых, и у нас их человек 200 в плену; но половина тут раненых, больше мертвы. Вежливые французы сделали золотой мост, по которому оставалось переправлять Розенберху сот пять.

П. А. ТОЛСТОМУ

Мая 11-го дня 1799-гою года. Кандия

Милостивый Государь мой

Граф Петр Александрович!

На первое ваше письмо от 16/27 числа (других я не получал) отвечал я кратко чрез Вену 29-го апреля, на последнее, от 2/13 мая, отвечаю приложением. Предразсудкам кабинета без ответа Богу последовать не должно: он в четырех углах. Эрцгерцог Карл в четырех частях круга солнечного. Французы в офензиве проворнее многих народов; чрез дефензиву Эрцгерцога Карла они, центрально моих недосугов, на Лагоди-Комо чуть было мою печенку не проглотили, ныне лутче. Дефензив терял Италию до предградиев Вены, офензивом Эрцгерцог Карл выгнал из Германии две армии: Иордана и Моро. Эрцгерцог Карл, сообразно здешним действиям, не только то, что должен был занимать вниманием французов, но надлежало ему давно завоевать Швейцарию и с помощью тамошних храбрых народов, даровав им вольность, учинить себя господином Рейна — тако сею верхнейшею иных чертою оградить цесарские владения. О том для цели, ежели изволит глядеть в туп, до врат Парижа.

С истинным почтением

Милостивый Государь мой

Вашего Сиятельства покорный слуга

Г[раф] А. Суворов-Рымникский

А. К. РАЗУМОВСКОМУ

Маия 18 дня 1799 года. Турин

Милостивый Государь мой
Граф Андрей Кирилович!

Вашего Сиятельства почтеннейшие письма от 7/18, 8/19 и 10/21 маия имел честь получить и покорнейше благодарю за решение о Шембеке... Это была пропозиция без рефлексии.

Unterkunft* уже не здесь, но в Вене, отношениями мне вреден. Preusch Impertinens** сокращаю ласковостью. Ich kann nicht bestimmt sagen*** — мне наименее приятель. Очень скушен дипломатический стиль обманчивою двуличностью. Спать недосуг... Русские не те — штыковые; генералы их больше рекруты. Боже, пособи кончить кампанию. Всероссийский Император повелевает мне относиться Королю обеих Сицилий, мне там еще темно.

Г[рафу] Толстову, вы усмотрели, моя система, иначе или 30-летняя война, или Кампоформидо, хуже ее, с юным Бонапартом. Сею мог бы нам открыться наипозже, в будущую кампанию, Париж.

Адда — Рубикон. Мы ее перешли на грядях неприятеля при Кассано (как здесь называют); слабейшею колонною разбили его армию, что отворило нам путь в Милан. Выучить мне своих неколи было. Препоны, что я выше описал. Почти бы никто из них не спасся. Лишь я здесь сведал, что они сюда, как овцы, бежали, и генералы впереди.

Тако По и другие в свете реки все переходимы.

Дефензив, офензив. По 1-му славен Лассиев кордон от Триеста до Хотина. Сей прорывали варвары по их воле. В нем много хранительных пунктов, слабейшие больше к пользе неприятельской, чего ради меньшие его силы, ударя в один, преобладают. Так делал здесь Бонапарте, так погибли Болье, Альвинцы и Ворумзер. Мне повороту нет, или также погибнуть.

На шее моей Тортонский и Александрийский замки; в 1-м больше провианта. Мантуа сначала — главная моя цель. Но драгоценность ее не стоила потеряния лучшего времени кампании. Субсистенция ее уменьшилась. Теперь от нордовой черты приступим тверже к ней, наполнив в герои Края. Пора помышлять о знойдовой черте. Недорубленный лес опять вырастает.

Выгрузившийся при Сестрин неприятель пошел на воздух; место того тамо вгрузил багажи для отправления в Геную, куда видно Магдональ и Монтришард, испуганные и издали Отто и Краевым Клейнау, намерены прогуляться; откроет время.

Спешим мы здесь к осаде Туринского замка, сооружаем на то здешние пушки... О Боже! колико бы нам пиамонтская армия полезною была. Ее после можно было распустить, ежели не нужна. В моих трудах утешают меня всемилостивейшие рескрипты Римско-Императорско-королевского Величества! Спасителя ради, не мешайте мне.

С совершенным почтением
и искреннейшею дружбою
Милостивый Государь мой
Вашего Сиятельства
покорнейший слуга

* Уютный уголок — зд. в смысле комфорта (нем.).

** Прусская наглость (нем.).

*** Немогузнайство (нем.).

П. И. БАГРАТИОНУ

Маия 22 дня 1799. Турин

Князь Петр Иванович!

Вот Вам милое письмо от походного атамана. Никто лутче не выполнит желаемого, как Ваше Сиятельство. Христос с вами... Нимало медля, извольте следовать с полком вашим, соединясь с Андреяном Карповичем, и коли потребно будет, то можете взять к себе к тому какие и иные подручные войски вскорости. Генералу Циммерману объявите мою дружбу, а его команде — вольность, по силе которой и Вы моим именем им можете дать на месте беспечные паспорта, но по мере их добровольной здачи, а не обороны. Предаю все в ваше благоразумное рассмотрение.

Г[раф]А.Суворов-Рымникский

А. К. РАЗУМОВСКОМУ

Маия 27-го дня 1799-го года. Турин

Милостивый Государь мой

Граф Андрей Кирилович!

Ваше Сиятельство из приложений ясно усмотрите: при отправлении моем из Вены в инструкции сказано мне было о Мантуе — осадить или блокировать. Последнее по обстоятельствам происходило, как сам Край с Клейнау, оставя там нужное, с прочим войском, отделя к соединению с Отто, дабы поразить мнимую, для Мантуи опасную Неаполитанскую бывшую армию, под Магдоналем, соединенную с Монтришардом и Готье, отозван был вдруг, без всякого ко мне предуведомления, к осаде Мантуи Гофкригзратом. Ежели операциями повелевает Гофкригзрат, то во мне здесь нужды нет, и я ныне же желаю домой. Сей кабинетный декрет разрушил порядок всех моих операций. Мне должно было для исправлений довольно здесь приостановиться. Магдональ не побит, он соединяется с Моро: мне надлежало Белегарда поспешать к себе. Гадик дремал, но наитомнейший Эрцгерцог Карл тот удар ему нанес, и на нас всех опасную бурю наклоняет. Белегард на походе должен был подкрепить Гадика почти половиною своих сил; к нам придет слаб, тако и мы будем слабы. Всякий частный генерал не по одним внутренностям, но во всем относится в Гофкригзрат; тако имеет право интриговать по его пристрастиям и пред-разсудкам... По сим — Гофкригзрат из четырех углов имеет право им повелевать и меня вязать... Томность его кабинета налагает томность Эрцгерцогу Карлу: сей принц, хотя бы и усерден был для общего блага, також связан, как я, для коопераций с нами, как неуповательно, что он сам вредную медленность любит. Иначе надеяться можно бы было в сию кампанию отвечать: мне за Италию, ему за Германию, по Швейцарии. Его Высокопревосходительство б[арон] Тугут да вникнет в сии правила, его мудрость да преодолет единожды гибельные оным препоны и твердость его духа, да удалит безконечности для спасения Европы.

Много бы у меня здесь набралось добровольных пиемонтских войск и было бы чем их вооружить, как и содержать без малейшего Римскому Императору убытка. Ныне ж они мне паче, по многим причинам, нужны. Лутчие люди для гарнизонов; с нашими, ради их замены, могут действовать иногда и в поле; при наших — для внутренней службы. Не первое ли это правило было у французов в быстрых их завоеваниях! Влажные *liberte, egalite** не могли долго стоять против важных *religion, souverainite***. Еще что? Граф Андрей Кирилович, которые с верою и верностью приступали для нас к службе; как из них много праздных людей! вспомагаемы черепашьим шагом Гофкригзрата, направят паки их флаг к французам. Многие каде-

---

* Свобода, равенство (франц.).

** Религия, самодержавие (франц.).

ты-офицеры по недостатку довольного пропитания пойдут его у них искать и артели свои легко соберут. По всем сим уважениям я здесь... Иначе, я бы лутче из Вены ехал домой.

Между Алекто и Терзита. Как Гофкригзрат мне ни мешал, его одна и две кампании мне стоили месяц. Как его владычество загенералиссимуствовало, может мне стать один месяц его кампании на целую кампанию.

Пребуду с истинною дружбою и совершенным почтением до дней моих

Милостивый Государь мой

Вашего Сиятельства

покорнейший слуга

Граф Александр Суворов-Рымникский

П. И. БАГРАТИОНУ

Маия 30 дня 1799. Турин

К[нязь] Петр Иванович!

Графа Белегарда войски из Тироля придут под Александрию необученные, чуждые действия штыка и сабли. Ваше Сиятельство, как прибудете в Асти, повидайтесь со мною и отправьтесь немедля к Александрии, где Вы таинство побииения неприятеля холодным ружьем Белегардовым войскам откроете и их к сей победительной атаке прилежно направите. Для обучения всех частей довольно 2-х — 3-х раз, и коли время будет, могут больше сами учиться, а от ретирад — отучите. Наблюдайте сие крепко и над российскими. Скорее возвращайтесь к своей команде.

Г[раф] А.Суворов-Рымникский

А. Г. РОЗЕНБЕРГУ

Июня 2/13 дня 1799 года. Александрия

Ваше Высокопревосходительство Андрей Григорьевич!

Новейшие известия. Французы как пчелы и почти из всех мест роятся к Мантуе... Нам надлежит на них спешить. Где это Вас застанет, отдохнувши сколько надлежит, поспешайте к нам в соединение. Мы скоро подыдемся. Они сильны. С нами Бог! Простите мне, что Вы были затруднены по обстоятельствам.

Г[раф] А.Суворов-Рымникский

К. В. КЕЙМУ

[2 июня 1799. Александрия]

Любезный мой генерал Кейм.

Я отправляюсь в Пиаченцу; иду разбить Макдональда. Возьмите скорее цитадель Туринскую, чтоб я не пел благодарственного молебна прежде Вас.

С. Р. ВОРОНЦОВУ

Милостивый Государь мой

Граф Семен Романович!

Лорды, дети патриотизмом славящегося дюка Портланда, и господа Клинтон и Свинбурн вручили мне письмо Вашего Сиятельства, я весьма порадован приобретением сих толико знаменитостию рода и похвальным рвением к воинским подвигам отличающихся великобританцев. Препоручение Вашего Сиятельства приемлю я в истинной его цене и потщусь довить им случай к удовлетворению их желания. Они уже были на поле сражения у реки Требио, где неприятельская армия под Магдоналем в 28 000 баталиями чрез три дня продолжившимися низложена; он, оставя на месте убитыми более 6000 и в плен над доставшихся 4-х генералов — Руска и Оливье дивизионные, Салм и Камбре, полковников 8, штаб и обер-офицеров 502, унтер-

офицеров и рядовых 11 766, пушек 6, знамен 7 и часть обозу с провизиями и снарядами, с остальными спасся стремглав в Генуэзские горы.

В Турине по отворении траншеи 31-го мая и открытии батарей 7-го июня началось сильное бомбардирование на цитадель. Сие принудило гарнизон поспешить к задаче на капитуляцию на разсвете 9-го июня. Генералы Фиорелла и Лаланс вышли пленными на размен с 2790 человеками. Там найдено медных: мортир 148, пушек 384, гоубиц 30, ружей 40 000, пороху 50 000 пуд, снарядов неисчетное множество.

Пребываю с совершенным почтением и преданностию

Милостивый Государь мой!

Вашего Сиятельства

покорнейший слуга

Г[граф] Александр Суворов-Рымникский

Ч. 9/30 июня 1799 года. Александрия

А. Г. РОЗЕНБЕРГУ

Александрия. Июня 24 дня 1799-го

Ваше Высокопревосходительство Андрей Григорьевич!

От обвещательного посту и патрулев, как скоро Вы уведомлены будете, что неприятель сближается к Бобио, то извольте с содействующим Вам Генералом Фельдмаршалом-Лейтенантом Оттом, поелику он потребен будет, принимать меры к его низвержению. Неприятель: 1-е. Когда Бобио займет каким своим отрядом, то его схватите и поразите нечаянным нападением — особливо ночью. 2-е. Ежели Магдональ очутился бы тут с остатками его армии, Вы столько сильныя, чтоб его до корня разбить. 3-е. Естли б случилось, что и Моро с ним соединится, то, хотя Вы совокупно и один достаточны их низложить, но для крепчайшего удара — мы отсюда готовы к Вашим услугам.

Г[граф] Александр Суворов-Рымникский

И обо всем подробно иметь сношение с Г[енералом] Ф[ельдцейхмейсте-Краем, а в отсутствие Его Высоко[превосходительст]ва исполнять Генералу Ребиндеру.

ПИСЬМА А. В. СУВОРОВА ВРЕМЕН КОМАНДОВАНИЯ ВОЙСКАМИ ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОЙ ДИВИЗИИ (1796—1797)

Н. П. РУМЯНЦЕВУ

Милостивый Государь мой

Граф Николай Петрович!

Ваше Сиятельство потеряли отца, а Отечество героя! Я ж равно Вам в нем отца теряю, память милостей его останетца во мне до моего издыхания: одна мне утеха, что благосклонности Ваши мне сию потерю награждать будут. С истинным почтением и искреннею преданностию буду

Милостивый Государь мой

Вашего Сиятельства

покорнейший слуга

Г[граф] Александр Суворов-Рымникский

Генваря 9-го 1797. Тульчин

Д. И .ХВОСТОВУ

Генваря 10-го [1]797 на закате солнца

Я Генерал Генералов. Тако не в общем генералитете.

Я не пожалован при пароле.

Мою тактику прусские принимают, а старую, протухлую оставляют: от сего французские их били. Пусть политика, того выше демиркация [?].

Не зная моей тактики, Вурумзер есть в опасности.

Я, Боже избавь, никогда против отечества.

А.С.

Д. И. ХВОСТОВУ

1-го генваря поутру [1797]. Тульчин

Сколь же строго, Г[осуда]рь, ты меня наказал за мою 55-тилетнюю прослугу! Казнен я тобою стабом, властью производства, властью увольнения от службы, властью отпуска, знаменем с музыкою при приличном карауле, властью переводов. Оставил ты мне, Г[осуда]рь, только власть Выс[очайшего] указа 1762 году (вольность дворянства).

Я бы это сказал Г[ра]фу А[лександр]у А[ндрееви]чу, но он это знает и интересовался бы. Ежели ныне не видит ли: болонка на Борей. Естьли кого слушать — спрашивают; естьли кого не спрашивают, того не будут слушать; тем более это ко мне.

Какое благовоние от цветов Ваших! И каков Вам контраст.

Не отлагаю, тороплюсь ехать в Кобрин.

Король прусский: што наше с моей тактикою, то видится только в одном намерении, но что формировал десятиэскадронный драгунский полк в наших мундирах и убранстве, — это правда.

Нет вшивее пруссаков. Лаузер, или вшивень, назывался их плащ; в шильтгаузе и возле будки без заразы не пройдешь, а головной их вонью вам подарят обморок. Мы от гадины были чисты, и первая доука ныне солдат — штиблеты: гной ногам, за артельные телеги идут на половинное жалованье. Карейные казармы, где ночью запираются будут, — тюрьма. Прежде делили провиант с обывателями, их питомцами.

В слезах мы немцы.

Карманиольцы: посол в С[анкт]-П[етер]бург, газеты.

ПАВЛУ I

Всепресветлейший Державнейший Великий
Государь Император Самодержец Всероссийский
Государь Всемиловивейший.

Вашего Императорского Величества при победоносных войсках обстоит благополучно, здоровы, и их прошлого мая по новой год умер сотый век. На границе болезни не вкрадывались, и всегда было спокойно. В дисциплине, субординации, порядке службы и ее приятности во все время были исправны.

Мои многие раны и увечья убеждают Вашего Императорского Величества всеподданнейше просить для исправления от дни в день ослабевающих моих сил о Всемиловивейшем увольнении меня в мои здешние кобринские деревни на сей текущий год.

Повергая себя к освященнейшим Вашего Императорского Величества стопам...

Генваря 11-го 1797. Тульчин

Д. И. ХВОСТОВУ

12 [января 1797] навечер

Государь лутче Штейнвера не видал. Я — лутче Прусского покойного великого короля; я, милостью Божию, батальи не проигрывал.

В начале Ваши розы крыли России терны; Ваши лавровые листы открывают тухлый корень, древо валится. Иначе, веря Вам, как мудрому, я бы, под отрывом моей головы, возможен бы был Великому Государю иногда дать противостояние

прусского или иного чужестранного с россиянином даже топографию. Говорю для войск, ныне поздно.

С Тищенко мне жаль и вкратце разлучиться. Вы кончите... я отхожу. Вот Вам Мерлин, дело просто, он честный человек.

А.С.

Всемогущий Боже, даруй, чтоб зло для России не открылось прежде 100 лет, но и тогда основание к сему будет вредно.

А.С.

ПИСЬМА А. В. СУВОРОВА ВРЕМЕН КОМАНДОВАНИЯ ВЛАДИМИРСКОЙ ДИВИЗИЕЙ (1784—1785)

С. М. КУЗНЕЦОВУ

Августа 6 дня 1784 году [с. Кистошь]

Матвеич! Будь осторожен. Моего жалованья ни полушки не давай в руки Терентью Ив[анови]чу; чего ради будь при приеме неотменно и сам считай. Так у тебя и останется оно и будет в твоей диспозиции. Из него удержи у себя по прежде писанному, что подлежит. Счет как можно скорее ко мне пересылай от Терен[ьтя] Ив[анови]ча, что он от г. Борщова прежде принял. 470 р. новгородские недоимки оброчные скорее отбирай у него и пересылай ко мне. А пересылай все деньги до Ундола; в отсутствие ж мое в руки ундольского священника. Из моих денег купи, Матвеич, и отправь винные казаны в Рождествено по примеру как в Ундоле для сидки вина и водок. Заведи там всю посуду и винокурню. Отыщи и отправь туда винокурщика; насиди там вина (кроме одной персиковой или из горьких миндальной), коренной водки умеренную пропорцию и отдай в сохранение священнику. Впрочем, будь во всем исправен и ничего не запускай. Купи и пришли ко мне шелковых женских чулок, ежели дороги — одне, а то — двои; бумажных, смотря по цене, двои или трои. Но при всем том смотри доброту, чтобы были прочны.

С. М. КУЗНЕЦОВУ

Ч. 13 августа 1784 году. Кистошь

Матвеич! Какая ошибка! Взял ты Петрова, а я Васильева. Кузьма-Федор Иваныч из разъезда не бывал. Некому в Ундоле и кровь пустить. Ты тотчаспусти Петрова в Ундол; а тебе Иван Куракин, который при сем и отправляться должен. Впрочем принял бы ты к себе денщика из рекрут. Что у тебя за белые чернила? а?

По Рождествену исправляй все. Чини там дом, — иногда, к зимнему приезду. Рожь оставить только на обретающихся в Рождествене и в москов[ком] доме, да в запас можно оставлять иногда на мое летовье с небольшою свитою, как она не пропадет или после продана быть может. Токмо на семена оставлять предовольно.

А. Суворов

С. М. КУЗНЕЦОВУ

Ч. 10 сентября 1784 году

Матвеич! За письмо твое от 25 августа спасибо. Валторн моим музыкантам купи, а какой именно, спросись с добрыми людьми. Васютку Ерофеева старайся поскорее сюда прислать. В нем там дела нет, а здесь фиол-бас. Купи еще полдюжины скрипок с принадлежностями для здешних ребятешек. Прочих моих правил не упускай. Из Москов[ского] Почтамта газеты и французские обыкновенные книжки энциклопедии Дебульон он те же мне выписать и на будущий год.

А. Суворов

С. М. КУЗНЕЦОВУ

Ч. 17 сентября 1784 году

Матвейч! Чай из Москвы с Борщовым прислал ты столь дурен, что весь желудок мой перепорчен, да и здесь не хорош. Купи чаю наилучшего, какой только обретаться может... черного... как бы тебе дорог ни покаялся... выбери чрез знатоков и перешли ко мне очень сохранным, чтобы постороннего духа он отнюдь не набрался, а соблюдал бы свой дух, весьма чистый. От нюхательного табаку, тобой присланного, у меня голова болит... чрез знатоков купи табак; смотри исправно внутрь, а не на обертку, чтобы не была позолоченная ослиная голова... Вино твое тоже дурно; но уж быть так... Обили ли стулья в Рождестве, уведоми и об ином, касающемся до моей мелкой управы, понеже иногда я и зимою туда набегу. Хотя это и неважно, но все-таки знать бы, нет ли кому там бить тетеревей в шалашах для подарка Князю Ивану Роман[овичу] Горчакову. Я бы и Кречетникову и к Каменскому написал наизусть. Только не знаю, не иная ли какая подлежит сделка тут; ибо во всяких делах свой термин. Нетерпеливо ожидаю я от Тереньтя Ив[ановича] пояснительный о всех делах экстракт, чтобы мог сам к окончанию их приступить. Дело с Анной Аркадьевной Бутурлиной и с Трегубовым удостоился я разобрать и нашел его во всем с моей стороны неспособным.

С. М. КУЗНЕЦОВУ

Ч. 23 сентября 1784 году

Купи, Матвейч, боченок сельдей хороших от 50 до 100 пониженной ценою. Вот тебе челобитная по делу пропалой крепости. Избегай подвоху и кончи дело скорее. Была плоская в доме тетрадь. Прозванье ее, помнится, «Дело между бездельем, или Собрание ста песен, положенных на ноты», печатные. Купи ее в Москве, где водится. Арбузов покупай на месяц по рублю; отсылай при оказиях. Коли случая не будет, то и неважно, что арбузы иногда очень дороги, да их и купить нигде нельзя. Буде ты нечаянно найдешь в Москве кого из Сатинских поверенных, открой ему чистосердечно, что я великодушно снисхожу на его Сатина нынешнее против прежнего неприятное состояние и в том имею жалость, как честный человек. Дело это производи скорее. Оно прямо и просто — и о том при прозьбе внуши учтиво судьям, как есть обычай. Очень мне на сердце второе дело, апелляционное, новгородское по Сенату. Крестьяне мои сами признаются виноватыми: мы же лезем в ябеду. Стыдно и безсовестно. Из письма Тереньтя Ив[ановича] паки видишь глухоту. Если бы все это при мне было, равно б и дело с Сатиным, то я бы яснее мог тебе челобитную доставить. Чего ради спешу введением меня в ясность сего новгородского дела. Юристам я не верю; с ними не знаюсь; они ябедники.

А. Суворов

Ф. М. МАРТЫНОВУ

1784 году сентября 24 дня

Милостивый Государь Федор Михайлович!

Никто о себе сам точно знать не может, как паче я. На постоянство моей судьбы я надеяться не могу, будучи непрестанно разноместным. Чего ради паки покорнейше прошу Ваше Вы[сокоро]дие о ханеневском деле, в чем на Вас уповаю и почту особливим то благодеянием.

Достиг я и до долгу: по суздальскому уезду под вексель купил деревню за десять тысяч рублей, кроме сделки. Правда, борозда к загону, и не знаю, батюшка, похвалите ли. Хоть ободрите меня присылкою двух третей пензенских оброков к будущему Николаю Чудотворцу. Цалую любезную вашу фамилию и буду всегда с истинным почтением

А. Суворов

С. М. КУЗНЕЦОВУ

Сентября 25 дня 1784 году

Матвеич! Аглицкого пива бочку купи. Я его поделю здесь с соседями. Сию минуту на подводах захотел к тебе съехать Николашка, чтобы сочетаться законным браком с воли, и обещает то исполнить чрез месяц; то тако или сяко, а более месяца его не держи и с матерью или Бог даст с супругою отправь его обратно ко мне. А жить ему в московском доме пока где в углу без пустодомства. Сервиз модный белый на 12 персон сорокарублевый в Кистоше не годится. Один калмык недавно у меня там в раз разбил девять тарелок; а лучше в 8 руб. или хоть побольше. Но только, чтоб узор не зеленого цвета и с разводами. За птицею хождение иметь в Рождествене кухмистеру Сидору с его супругою, которым производить обыкновенные, не чрезвычайные, рождественские при провианте порции. Детям и до 5-ти лет половинный провиант, а с 5-ти лет полный для поощрения детородства. Да не дослал ты игрушки лотовой и карамболевой игры ящик. В нем костяные марки по многу призов в 4-х коробках — каждая особого цвета: белый, желтый, зеленый, алый. Думаю, цена около семи рублей. Купи и пришли. Да не дослал ты еще дюжину карт и книжку гадательную для резвости и затем хоть недорогую камер-обскуру, купи и пришли мне еще книжку Фонтенелеву о множестве миров. По рецепту Кузьмы-Федора Ивановича заплати в аптеке и лекарств пришли.

С. М. КУЗНЕЦОВУ

[Сентябрь 1784]

Пуще всего тяжелы мне 3000 р. Толбухинские... Таково-то ябедное медление по приказным делам! Я уж и тому, впрочем, рад. А как подобные дельцы еще есть, то я бы очень желал, чтобы ты приучился по приказам ходить. Хотя верь, что останется дел мало... я смертный и хочу эти дела частно ныне кончить. Пришли мне из всех их подробный и ясный экстракт, с наименованием особ, чинов и мест пребывания, с коими у меня дела. Желаемое, если разсужу потребным, здесь совершу. Ты же о текущих, как я тебе препоручил, присылай мне рапортицы. Гуляй сам по приказам, дел не много, — то будешь человек...

...Терентий вместо дела упражняется только в поэзии. За что ж я 500 р[ублей] в год плачу? Ни одного дела как надо не сделал, да еще интригует и спекулирует. На что он нам? Приучайся ты ходить по приказным делам и по частям с достаточным учтивством отбирай у него дела, чтобы он не вредил нам вяще во отмщение...

...Отбери от него дела и узнаешь все колдовство. Красны бубны за горами. По апелляционному делу тебе нужно было самому челобитную написать, т. е. доброму приказному дать рубль, колпак водки, стопку пива, и тогда бы не было нужды в Терентии...

...Учини ему последний подарок по твоему вкусу рублей во сто какую-нибудь вещь или деньгами отсыпь... лишась знатных от меня доходов, он должен идти на мщение. Буде от него неистовые разглашения будут, то об его облуплении меня ты и сам всюду разглашай, только не начинай сам, а лишь ему этим разглашением плати, доколе не уймется...

...Невозможно стоять ради его всегда на карауле...

С. М. КУЗНЕЦОВУ

[Сентябрь 1784. с. Кистошь]

Вспомни, Матвеич, о рождественских дровах; все ли они срублены, сохнут ли. Половина в Москву на продажу, половина сохнет всегда на будущий год.

В Рождествене, помнится мне, в доме был вторичный сенокос в саду и по иным местам, так то соблюдай колико можно. Доставляй в Ундол рождественских сухих и соленых грибов также и ягод. Исправляй крепко рождественские мои дома к внезап-

ному моему приезду; закажи пива сварить, русского, в Рождествено и Ундол. Но сие, впрочем, удобнее около марта, чтобы в московском доме зарубить в лед и в свое время его привезти рождественским крестьянам при приезде их подвод с господским сеном и иными тамошними продуктами, чтобы токмо им было без отягощения.

Да приторгуй в Москве французского вина. Там есть виноторговец, знатный купец, имеет каменный дом в Немецкой Слободе (забыл его имя). Узнай у хороших знатоков. Купи у него французского вина молодого, отнюдь не порченного и не могущего в скорости испортиться или старого французского вина сладкого, крепкого, мадеры или испанского и португальского, а также красного столового, хорошего кагору, бордо или подобное модное, всего бутылок 120 и более. За сим из Ундола пришлю волов. Купи в Кистошь полдюжины средних немарких стульев, ломберный стол и столик еще неломберный да сервиз каменный на 12 персон, получше и покрепче. Я люблю беленький с разводами, лишь бы не зеленой краски, и отправь все при оказии. А в Ундол пришли ломберных марок хороший ящичек, цены средней, и дюжину карт.

Не из чего и не за што, Матвеич, приказные дела попусту тянуть; мне от них один убыток, и я их, как ни есть, да уменьшу.

Огурцов в Рождествене насолить довольно число, до новых, как говорил я. Василья огородника снабждать и блюсти, как было при покойном моем родителе. Капусты белой и серой и кочанной наготовить, также и всех земляных продуктов довольно числом в запас до новых, дабы с небольшою свитою мне можно было летовать в Рождествене. В московском доме в лед зарубить лучшей рыбы и виноградной тешки. Осетрины и белужины думаю по 6 пуд засолить, селитрой лучше; все это зачасти в малых кадочках, чтобы лучше из Москвы их в Рождествено забирать. У добрых хозяев готовится густой красный мартовский квас; то и такого не худо заготовить в московском погребе несколько бочонков — для употребления в Рождествене. Своевременно для этого требуй у меня Николаева, чтоб он в одно время управлялся и с рыбой, и с квасом. В Рождествене наварить и в лед зарубить крепкого русского хорошего пива и полпива.

Было у меня много восковых свеч. Будет оне в Ундол не отправлены, то и их отправь при первой оказии. Полагаю я в Рождествене содержать во всякое время гусей, одну или две пары, взирал на то, как они там водятся; уток при селезне одну пару или двух; индеек при петухе... две... три... кур русских при петухе десять; да свинок при борове одну или две. Из них приплодных для нечаянного моего приезде блюсть в зиму третью долю, а прочих продавать. Ежели моего приезде не предусмотрено будет, то можно и весь приплод от сего продавать. Коли по твоему рассмотрению дальнего по сему убытка нет, то на том и утвердись... dokonчи сие мое заведение и, что надобно, докупи, особливо как будто бы я собираюсь в Рождествене летовать.

Ф. Г. [...]

[Октябрь 1784]

Государь мой Федор Гаврилович!

Из моего письма к Терентию Ивановичу и его письма увидите, что почти способу нет иметь мне с ним связь. Разве подлинно, заградя себе уста, паки разораться. И паки говорю, Вы судите сами; два артикула: 1. Сбор оброков с рождественской экономии, но на него и смотреть нам было стыдно. 2. Приказные дела. Но первые беру я сам, вторые — ведаю сам. И ныне почти не за что дарить ему жалованья 500 рублей. Так вот желая с Терентием Ив[ановичем] кончить, отдаю то на Ваше разсуждение. Но ежели он снизойдет, то я, соблюдая мое слово, в первых числах будущего года дополню ему что следует в число взятых им своеобразно 200 рублей до 500 рублей. В том уже я неколебим. Долг на мне велик. Чувствуете Вы, что мне от разточения удаляться надлежит.

А. Суворов

М. И. [.....]

Октября 24 дня 1784 году. с. Ундол

Милостивый Государь Михаил Ильич!

Ваше письмо октября 12 дня имел честь получить и покорнейше благодарю тем паче, что по примечательным Вашим летам изволите писать своею рукою. Боже даруй, чтоб дело с Ханеневым скорее кончилось благополучно, чтобы тем благодетельные труды Ваши увенчались. Мне по оброкам моим вспомоществовать еще крестьянам тяжело по причине возрастающего на мне долга чрез покупку в здешних околичностях поместьев и совершению на них сделок. Усерднейше поздравляю Ваше Высочородие с любезным надворным советником, о чем только теперь узнаю, и утешение мое только в том и разнится Вашему.

А. Суворов

А. М. БАЛКУ

[Октябрь 1784. с. Ундол]

...На-приказные расходы деньги мирские должен выдать особый поверенный мирской, которые он и держит из своих рук, а ходатаю-крестьянину денег никаких не надобно в избежание лихоимства, сопряженного с крестьянским бременем. Земли и пустоши покупать позволяю всем миром, разверстывая равномерно цену на богатых и неимущих, скудных и убогих. В неурожае крестьянину пособлять всем миром заимобразно, без всяких заработок, чиня раскладку на прочие семьи совместно при священнике и с поспешностию. Сим можно избежать запасного магазина и многих, по моему отдалению от того, неудобств, хотя я и стараюсь о нем с моими новгородцами.

Ныне повелите суки рубить в местах, определенных по мирскому приговору, и прежде удовольствовать лядинами скудных, а за сим уже достаточных совместно рассмотрением при священнике. Ибо, в случае малейшего налога от имущественных крестьян над скудными, в моем присутствии последует строгое взыскание за неприличность сию и недонос мне на сильных крестьян. Солью торговать моим крестьянам поодиночке незаконно; когда соль покупать, то на это всем миром складываться старшим крестьянам на мирском сборе, сколько на какую семью потребно, и потому на покупку собирать с семей деньги, и как скоро привезена будет соль по наряду подвод от мира, то в те же сутки оную по семьям разделить. Непорядки сокращать мирскими наказаниями, но непорядочного в рекруты отдавать не можно; понеже малолюдствуют от того семьи и страждет крестьянское хозяйство — и я моим крестьянам всюду запретил в натуре рекрут отдавать. В осторожность от своевольств от покойного моего родителя запрещено было новгородским крестьянам между прочим варить браги. Так и ныне сие наистрожайше повелите. В кривинской моей вотчине остерегите паки от держания беглых и искорените зло...

